

Режиссер — это просто хороший зритель

Юрий БУТУСОВ мэтром пока не стал. Но и из “весовой категории” молодых экспериментаторов, несмотря на возраст, уже перешел в более солидную. Питерским театрам его, наверное, представлять не надо: “Калигула”, “Войцек”, “В ожидании Годо”, “Смерть Тарелкина”, созданные с группой единомышленников — нынешних кинозвезд, — сделали его знаменитым. В столице он отметился пока только стремительным фарсовым “Макбеттом” Эжена Ионеско в Сатириконе. Некоторые критики до сих пор гадают: зачем нужен был Ионеско, когда есть Шекспир? Видимо, вняв этим недоуменным голосам, Бутусов теперь решил не искушать судьбу и вместе с Константином Райкиным поднял глыбу шекспировского “Ричарда III”.

— “Ричард III” — первая пьеса Шекспира в вашем послужном списке?

— Да, поэтому мне и интересно, и трудно. Низкий поклон Константину Аркадьевичу за это предложение.

— Вам уже прилепили ярлык абсурдиста. И наверное, справедливо: вы ставили Беккета, Ионеско, Пинтера, Камю. Насколько органично вписывается в этот ряд Шекспир?

— Шекспир вписывается в ряд тех драматургов, с пьесами которых я хотел бы работать. Беккет, Ионеско, Шекспир — это великие драматурги из одного ряда. Надеюсь, что они меня не отвергнут.

— Вы всегда говорили, что вас интересуют мятущиеся души. Благополучный человек вас не интересует?

— А разве театр занимается благополучием? Театр занимается болезнями.

— В одной статье было написано, что любая пьеса для Бутусова — это повод для создания собственного площадного, балаганного театра. Вы с этим согласны?

— Конечно, я хотел бы заниматься авторским театром и считать, что будущее за ним. Я стараюсь, чтобы мои режиссерские “послания” были в каждом спектакле. А что касается языка, то, наверное, есть какие-то пристрастия. Но это происходит совершенно естественным образом. Я об этом не за-

думываюсь. Как мне интересно, так и делаю.

— “Ричард III” тоже задуман в стилистике площадного театра?

— Там есть фарсовая природа. Но в каждом спектакле она имеет свой оттенок, свои нюансы. Ведь фарс, комедия — это только слова, за которыми кроются какие-то серьезные поиски того, что называется жанром, стилем. Тут могут быть миллиарды оттенков.

— Учитываете ли вы в своих поисках потребности современного зрителя?

— Я ведь тоже зритель. Поэтому не могу не учитывать себя. Кажется, еще Гротовский говорил, что режиссер — это просто хороший зритель. Я стараюсь быть таким, много смотрю, пытаюсь воспитывать свой вкус.

— Есть ли у вас какие-то особые зрительские пристрастия?

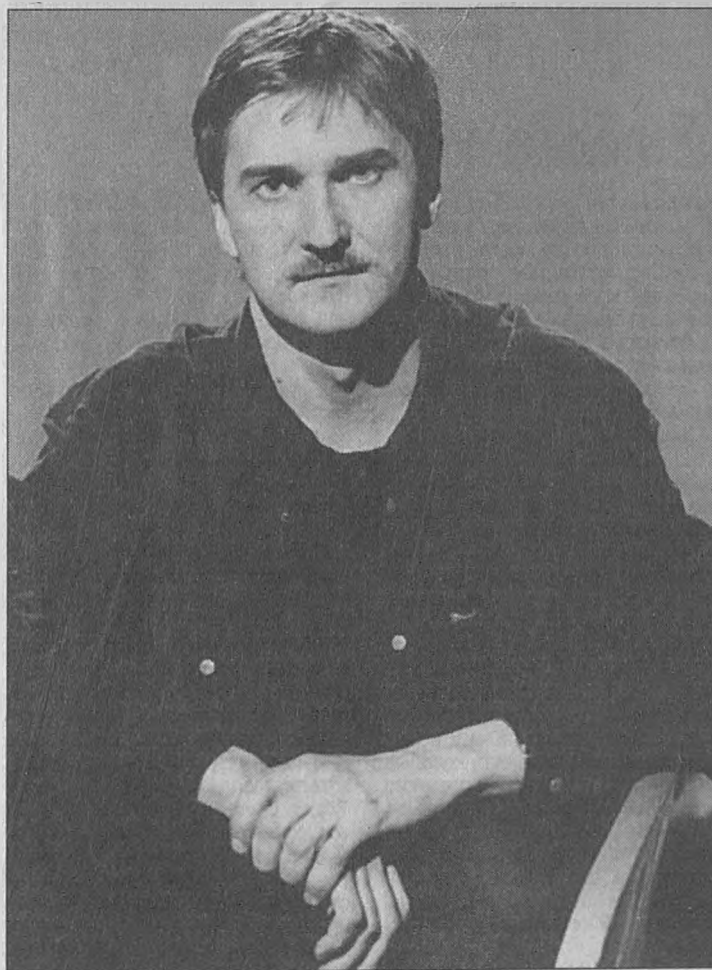
— Я получаю наслаждение на спектаклях Фоменко, Някрошюса.

— Может ли вас что-то вывести из себя на спектакле?

— Такое бывает, когда я чувствую, что со мной разговаривают как с нумным человеком. Когда ко мне относятся, как к плохому зрителю. Когда я чувствую приемы, в которых есть неуважение ко мне.

— А вы предполагаете, например, что зритель должен так же хорошо знать пьесы Шекспира, Беккета, Мрожека, как вы?

— Я ничего такого не предполагаю. Я уверен только в одном: человеку,

Ю. Бутусов

который придет в театр, должно быть интересно. В спектакле “Макбетт”, например, нет ничего такого, чего невозможно понять, не будучи зайдлым театралом. Там все элементарно просто. Есть даже места, которые слишком иллюстративны.

— Большинство своих спектаклей вы поставили со своей питерской командой. Теперь стали работать в других театрах. Обычно в

своей команде вырабатывается свой особый, “птичий” язык, который и языком-то иногда не назывешь. Достаточно междоумения, и все становится ясно.

— Да, там был свой особый язык. Но, может быть, это и плохо, потому что, как только он возникает, тут же начинает умирать творчество. И когда появляются новые люди, новая ситуация — это хорошо. Ты стараешься

сделать их своими единомышленниками. Ведь самое сложное в театре — это ансамбль. Никакая звезда сама по себе не способна сделать спектакль хорошим.

— Раз вы сами заговорили о звездах, то не могу не задать банальный вопрос. Вы сейчас работали со звездой — Константином Райкиным. Вы всегда друг друга понимали?

— Понимание не дается сверху. Оно приходит во время работы. Мы искали и, как мне кажется, нашли общий язык.

— Вас, наверное, приглашают в разные театры. Но вы опять выбрали Сатирикон. Почему?

— Во-первых, я не мог отказаться от такого предложения. Во-вторых, я хотел работать с Константином Аркадьевичем. Мне это и лестно, и страшно одновременно. В-третьих, здесь есть группа людей, с которыми мы работали над “Макбеттом”. Я их люблю, мне с ними интересно. Помимо того, что они талантливые актеры, они еще и хорошие люди.

— Это важно для вас как режиссера?

— Очень! Есть такое выражение: “Хороший человек — не профессия”. Иногда хороший человек — это больше чем профессия.

— Вы постоянно работаете с художником Александром Шишкиным.

— Не знаю, кто важнее для ребенка: папа или мама. Для спектакля важнее всего, чтобы хорошо играли актеры. А что касается сценографии, то для меня она уже и есть часть режиссерского замысла. Каждая деталь должна иметь функциональное значение. Это и учитывает художник, когда получает задание. Во всех моих спектаклях важное значение имеет пространство. Я так научен. По-другому не умею.

Для меня отношения с художником — это парные творческие отношения, и мы абсолютно совпадаем с Сашей во вкусовых пристрастиях.

— Вы реагируете на критические статьи, или они для вас, как для

многих режиссеров, пустой звук?

— Нет, я читаю, реагирую. Конечно, иногда что-то может рассердить и обидеть. Я — нормальный человек.

— Можете ли вы что-то изменить в спектакле после какой-то статьи?

— Нет, она просто может испортить настроение или улучшить его. Единственное: если статья написана с уважением и интересом, она может заставить о чем-то подумать и взглянуть на вещи по-новому. Я могу с ней согласиться.

— Влияют ли на ваше творчество какие-то внешние факторы, например политика, экономика, социальные процессы, происходящие в стране?

— Скорее — нет, чем да.

— Значит, вы могли бы работать в Англии, Америке, Африке, находясь в башне из слоновой кости?

— У меня был такой опыт. Я знаю, как это сложно. Мы порой просто не ощущаем связи с нашей средой. Это естественным образом входит в нас, и мы не обращаем на это внимания.

— Есть ли разница в зрительском восприятии ваших спектаклей в Питере и Москве?

— Мне кажется, что в Москве более открытая публика, чем в Питере. Но я могу и ошибаться. В Москве я ощущал очень хороший прием. Но когда мы привезли “Макбетта” в Питер, там к нему отнеслись более прохладно.

— Вы сейчас “в свободном полете”. Вас это устраивает, или вы все же хотели бы иметь свой театр?

— Конечно, хотел бы. Я считаю, что репертуарный театр — единственно правильная модель его существования. Может быть, она проходит стадии кризисов, иногда кажется, что она умирает. Но все мои друзья-режиссеры, работающие на Западе, нам завидуют. Потому что сильнее русского театра нет. Это касается и школы, и развития, и духа.